

П. Н. Красновъ

Ненависть

Романъ

Настоящая книга набрана и отпечатана
въ апрѣлѣ тысяча девятсотъ тридцать
четвертаго года въ количествѣ тысячи
семи экземпляровъ, изъ коихъ семь на
бумагѣ velin pur fil Navarre для книго-
издательства Е. Сіяльской въ типографіи
S.N.I.E., trente-deux, rue Menilmontant
Все права сохранены за авторомъ.

Tous droits reserves.

Copyright by the author

Кн-во Е. Сіяльской

ПАРИЖЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Гурочка проснулся отъ легкаго стука. Онъ открылъ глаза. Былъ тотъ зимній ночной сумракъ, когда отблески снѣга на крышахъ, падая на плоскую бѣлую холщевую штору, разгоняють ночную темноту и даютъ пріятное, ровное и будто печальное освѣщеніе комнаты. На полу у печки сидела Параша. Это она сбросила беремя сосновыхъ дровъ и, открывъ чугунную заслонку, накладывала дрова въ печку.

Все въ комнатѣ было съ самага ранняго дѣтства знакомо и изучено Гурочкой. Въ темнотѣ угадывалъ Гурочка выпуклую гирлянду цвѣтовъ и фруктовъ на черной дверцѣ печки. Противъ Гурія, у другой стѣны спалъ крѣпкимъ сномъ его братъ Ваня. За головою Гурія стоялъ его небольшой письменный столъ, на немъ лежала гора книгъ-учебниковъ и сбоку крытый тюленемъ ранецъ со старыми порыжѣлыми плечевыми ремнями съ мѣдными кольцами.

Параша чиркнула спичку о заслонку и стала разжигать лучину растопокъ. Въ мерцающемъ, неровномъ пламени заходили, запрыгали по стѣнѣ со старыми сѣрыми въ полоску обоями страшныя, уродливыя тѣни. Проста и бѣдна была обстановка Гурочкиной комнаты. Желтой охрой крашеный полъ облупился, и длинныя бѣлесыя щели шли по нему. На простомъ "Тонетовскомъ" стулѣ было сложено платьѣ Гурочки, на другомъ такомъ же стулѣ лежало платьѣ Вани.

Параша сунула пучекъ лучинъ въ устье печки. Ярko вспыхнула бумага, весело затрещали сухія дрова, пахло дымомъ и смолою.

"Да вѣдь у насъ черезъ десять дней Рождество", -- подумалъ Гурочка.

Онъ зналъ, что это называется: -- "ассоціація идей". Запахъ смолы напомнилъ елку, а елка Рождество.

И уже нельзя было дальше спать. Въ мысли о Рождествѣ была совсѣмъ особая магія -- вся душа Гурочки встрепенулась, какъ птичка съ восходомъ солнца. И что-то радостное и прекрасное запѣло въ его юной душѣ.

Параша, сидя на желѣзномъ лістѣ подлѣ печки, подождала, пока не загудѣло въ печкѣ пламя и не